

Глава 7. Седьмой аксолотль

20XX год, устье Жемчужной реки

9:17

Двенадцать Юаней наконец-то пришёл в себя.

Разомкнув веки, он первым делом сладко потянулся, раскинув лапки в стороны прямо в рыхлом песке, и попытался перевернуться с боку на бок, помогая себе крошечным хвостом.

Однако сегодня собственное тело показалось ему непривычно тяжёлым. Неповоротливая, сонная тяжесть навалилась на заднюю часть туловища, словно весь его вес разом сосредоточился в хвосте. Розоволосый малыш озадаченно замер, пытаясь сообразить, что происходит.

«Что же произошло вчера ночью?»

Уснув накануне раньше своего спутника, он теперь решительно ничего не помнил.

Вскоре его чуткий слух уловил плеск воды неподалёку, будто кто-то осторожно шлёпал хвостом по волнам. А затем у самой кромки Жемчужной реки раздался звучный, певучий голос. Кто-то декламировал стихи:

— За пологом дождь шумит, увядает весна... Шёлк одеяла не греет в предрассветный час. Во сне я позабыл, что здесь лишь гость, и предавался мимолётной радости... Негоже одному стоять у перил — бескрайняя земля тоску нагонит. Легко расстаться, встретиться — трудней. Умчались вешние воды, опали цветы — прошла весна. Растаял прежний мир, раем казавшийся когда-то...

Двенадцать Юаней заворожённо прислушался. Прежде он без труда понимал человеческую речь, но сейчас эти звуки казались чужими. Он не мог разобрать ни единого слова, словно они складывались в совершенно неведомый узор.

Он улавливал отдельные звуки и мог бы легко их повторить, но, соединяясь, они рождали нечто иное — тягучее, торжественное и совершенно незнакомое. Древний, давно позабытый язык.

И всё же, хотя Розоволосый слышал эти напевы впервые, он всем существом почувствовал их завораживающую прелесть. Голос чтеца звучал удивительно мягко, идеально сочетаясь с ритмом таинственных фраз. Само звучание этого древнего слога несло в себе щемящую, невыразимую красоту и глубокую, светлую грусть.

Ведомый безотчётным порывом и тягой к прекрасному, малыш закопошился, пытаясь выбраться из своего убежища. Голова по-прежнему казалась тяжёлой, а маленькое тельце и хвост намертво застряли среди завалов из посылок на речном берегу.

Высвободившись наконец из картонного плена, он уставился вперед. Таинственный «черный обитатель глубин» и не думал уходить. Оказывается, это его глубокий голос нарушил утреннюю тишину.

В утренних сумерках Двенадцать Юаней наконец смог разглядеть своего спасителя. Если судить со спины, этот древний ящер выглядел на удивление молодо.

В мире людей иные уже к тридцати годам угасают духом, обзаводясь унылыми морщинами и вечной тоской. Но были и те, кто сохранял первозданную жажду жизни, лёгкость и непоколебимую уверенность. Возраст потерял для этого существа всякое значение. Пока в его жилах текла бурлящая новорождённая кровь, его век обещал быть столь же долгим, как у самой земли.

Его характер неуловимо напоминал философию Чжуан-цзы о «Свободном скитании». Легендарная птица Рух, порхающая бабочка — все эти древние образы выражали мудрое смирение перед ходом времени, жизнью и смертью. Спокойную улыбку в лицо вечности.

Тот, в чьей душе порхают бабочки, видит их повсюду — даже если весь остальной мир обратился в прах и выжженную пустыню.

Обладая этим редким даром, таинственный незнакомец сидел на берегу Жемчужной реки, читал стихи, всматривался в туманную даль и безмятежно шлёпал по воде мощным чёрным хвостом, развлекая самого себя. Черноволосый, темнокожий Большой ползун явно принадлежал к числу таких неисправимых жизнелюбов.

Ранним утром, греясь в первых лучах солнца, он предавался этой детской забаве, но его точёный профиль в золотистом свете казался благородным и мужественным.

Он мягко и довольно улыбался. Бронзовая кожа на широких плечах и сильной спине лоснилась здоровьем. Мускулистый торс плавно переходил в мощную нижнюю часть тела с чёрными когтями и длинным чешуйчатым хвостом — ни единой лишней складки, чистая, дикая грация первозданной природы.

Он смотрел тепло и располагающе. В его повадках не было ни капли высокомерия — вел он себя просто и непринуждённо, словно старый друг или близкий родственник. От него веяло таким домашним уютом и надёжностью, что любой проникся бы к нему симпатией с первой же секунды.

Двенадцать Юаней заворожённо наблюдал за ним. Но, помимо признания очевидной привлекательности незнакомца, малыш сгорал от любопытства. Ему не терпелось расспросить

Фушэня о загадочном певучем наречии и узнать, что же тот намеревался рассказать вчера перед тем, как они уснули.

Великан уловил шорох позади себя и неторопливо обернулся. В этот миг Двенадцать Юаней округлил глаза от крайнего изумления.

Розовый дракончик замер, у него даже лапки и хвост мелко задрожали от шока, будто перед ним предстало нечто неопишимо жуткое.

Ибо этот грозный владыка глубин, только что казавшийся воплощением мужественности, обернулся... с ярко-розовым, вызывающе пышным цветком за ухом! Цветок сам по себе был прелестен, но на суровом лице Фушэня смотрелся настолько нелепо, что превращал его в карикатурную деревенскую сваху.

Сочетание могучего ящера и кокетливого розового бутона начисто уничтожало всякий намек на величественность.

Но доморощенная «сваха» ничуть не смутилась. Фушэнь обезоруживающе улыбнулся и уверенно помахал лапой:

— Привет, жёнушка!

Двенадцать Юаней потерял дар речи.

От этого фамильярного обращения, способного вогнать в краску всю Жемчужную реку, малыш окончательно впал в ступор.

«Он что, белены объелся?» — в панике подумал дракончик. Древний старик, внезапно решивший поиграть во влюбленного юношу, — зрелище не для слабонервных.

И без того едва удерживавший равновесие из-за отяжелевшего хвоста, розовый кроха окончательно лишился сил под этим натиском абсурда и кувыркнулся носом в песок.

Глядя на его зависший процессор, Фушэнь не выдержал и тихо рассмеялся.

Двенадцать Юаней знатно поиздевался над ним накануне, и теперь пришло время для ответного щелчка по носу. На сей раз победа осталась за старшим.

Однако стоило Большому ползуну потянуться к поверженному противнику, чтобы бесцеремонно поднять его за шкурку, как розовый озорник мгновенно перешел в контратаку.

Персиковые драконы не зря заслужили свою славу. С древнейших времен они обитали в пресных озерах и реках бок о бок с людьми, перенимая у них страсть к поэзии, свободе и изящному флирту. Для них это было столь же естественно, как дышать.

В человеческом лексиконе для этой повадки нашлось бы емкое слово — кокетство. Самое бесстыдное, легкомысленное кокетство, от которого даже у суровых морских предков глаза на лоб лезли.

Двенадцать Юаней не растерялся. Не дожидаясь, пока его схватят, он бесцеремонно протянул крошечную лапку и коснулся лица великана — лица, к которому никто в здравом уме не смел притрагиваться. Розовый наглец с довольной ухмылкой провел коготками по мужественному подбородку Фушэня, словно заправский соблазнитель.

— И что это мы тут удумали? — нежно пропищал кроха.

Фушэнь остолбенел.

В битве двух древних рептилий пресноводные явно удерживали пальму первенства. Если Океанический дракон народа Ди ограничивался лишь ленивыми словесными колкостями, то последний без лишних предисловий переходил к делу: «Раз уж ты мне приглянулся, грех не потискать за щеки».

Не зря в легендах их расу именовали истинными мастерами обольщения, у которых брачный период длился триста шестьдесят пять дней в году.

Бедный Большой ползун едва не лишился дара речи от такой наглости. Ему было невыносимо признавать, что этот сопляк снова обставил его на его же поле. А Двенадцать Юаней лишь залиvisto рассмеялся, празднуя триумф.

С этим смехом мордочка маленького дракона озарилась удивительно живыми красками. Прежде его кожа отливала молочно-белым и нежно-розовым, но теперь, по мере взросления, его изящное тело заметно вытянулось, а великолепный хвост стал шире и пушистее.

По полупрозрачной чешуе у самого кончика хвоста побежали нежные разводы, напоминающие лепестки цветущего персика. Стоило малышу разволноваться от общения с великаном, как кровь прилила к коже, окрашивая его щеки и хвост в персиковый румянец.

Этот персиковый оттенок у глаз и на висках Пресноводных драконов народа Ди походил на изысканный румянец придворных красавиц со старинных шелковых свитков. Независимо от пола, любой представитель их вида рождался с лицом, подобным весеннему цветку.

Сразу становилось ясно, почему древние поэты на берегах Янцзы и Хуанхэ слагали восторженные оды в честь этих удивительных созданий.

Фушэнь видел, что розовый проказник ни капли не стыдится своего поведения. Напротив, заигрывать с грозным хищником казалось ему невероятно забавным. Такова уж была ветреная природа Пресноводных драконов народа Ди: флирт, кокетство и романтика составляли саму суть их жизни.

Сердиться на вековые инстинкты глупо, да и сам Фушэнь не думал обижаться. Наблюдая, как раскрывается истинная натура приёмыша, он решил перейти к делу.

Большой ползун мягко поймал барахтающегося в песке малыша, снял цветок со своего уха и бережно приладил его за изящными розовыми жабрами Двенадцати Юаней. А в следующее мгновение великан поднял какую-то странную вещь и навел её на озадаченного дракончика.

Раздался резкий щелчок. Двенадцать Юаней вздрогнул. Перевернувшись на пузико, он наконец разглядел, что именно зажал в когтях его чешуйчатый друг. Это был... самый обыкновенный человеческий смартфон.

Разумеется, Розоволосый знал, что это такое — типичное изобретение двадцать первого века. Вот только откуда у реликтового ящера взялась работающая человеческая техника?

Заметив его недоумение, Фушэнь тепло улыбнулся.

— Нравится? — спросил он. — Специально плыл за ним до самого рассвета в дальние края, чтобы порадовать тебя.

Малыш не выказал особого удивления. Лежа на спине и покачивая задними лапками, он спросил самым будничным тоном:

— Значит, я и вправду не обычный аксолотль, а дракон народа Ди?

— Вот как? — Фушэнь с любопытством прищурился. — А сам-то ты как думаешь?

Как старший сородич, он молча ждал его ответа. Ему хотелось увидеть, готов ли юный дракон принять суровую реальность Океанического фронта. Ведь если бы Двенадцать Юаней испугался пробуждающейся силы и отверг путь предков, Фушэнь не стал бы насильно тащить его за собой.

За миллионы лет эволюции бесчисленное множество обычных водяных ящериц пасовали перед трудностями, сходя с дистанции. Конец света и выживание в дикой природе — за этими простыми понятиями скрывалась бездна боли, страха и нечеловеческих усилий, о которых обыватели даже не догадывались.

Проигравшие сгинули во тьме веков. И лишь уцелевшие счастливчики, добившись триумфа, могли снисходительно рассуждать о великом шансе переродиться из ничтожества в полубога.

Но на пороге смертельной опасности этот барьер для большинства оставался непреодолимым.

Маленький пресноводный дракончик уступал исполину во всем — и в силе, и в размерах. Но страха в его глазах не было. Напротив, он весело прищурился.

— Ух ты! Тогда все понятно! — гордо заявил он. — То-то я гадал, в кого я такой неземной красавец уродился. Оказывается, мои предки тоже были потрясающе милыми созданиями!

Фушэнь покачал головой.

Откуда в этом крохотном тельце столько самолюбования? Фушэнь не знал, плакать ему или смеяться.

Но в глубине души он признавал: вопреки легендам о ветрености их племени, этот малыш вовсе не казался пошлым. Его непосредственность подкупала, а искренность была настолько обезоруживающей, что сердце невольно таяло от нежности. Это была чистая, незамутнённая прелесть, способная растопить любой лёд.

Увы, времени на нежности не оставалось. Опасность наступала на пятки, и древнему ящеру пора было переходить к суровой правде. Он убрал игривый тон и серьезно посмотрел на малыша. Как проводник, охраняющий эти рубежи, он должен был открыть своему юному собрату главную тайну.

— Ты задумывался, почему я оставил тебя здесь среди этих коробок и наедине с Тмолл Цзиньлин?

— Ты утверждал, что тебя запаковали в коробку в магазине Таобао около двух недель назад. Но неужели за все то время, что ты провел среди посылок с четкими датами и адресами, ежедневно слушая заклинившую на одной дате колонку, ты не заметил ничего странного?

— И последний вопрос. Как представитель вида, который тоньше любого другого чувствует пресноводную среду: почему в Гуанчжоу не осталось ни единой живой души, кроме нас двоих?

Эти вопросы застали Двенадцати Юаней врасплох. Его недюжинный ум лихорадочно заработал, но разгадка ускользала.

Оказывается, каждая деталь, оставленная Фушэнем у реки, была подсказкой — ключом к пониманию новой, пугающей реальности.

Пыльные коробки с застывшей датой... Колонка, без конца крутящая одни и те же старые гонконгские сериалы...

И самое главное: если со дня катастрофы прошло уже больше двух недель, почему берега не завалены гниющими тушами животных и павшими деревьями? Почему здесь царит кристальная, стерильная пустота?

Мир вокруг словно раскололся надвое. Двенадцать Юаней внезапно осознал, что упустил из виду какую-то фундаментальную ошибку в самом устройстве реальности.

К счастью, великан знал разгадку. Он склонил голову, разблокировал экран смартфона и протянул его малышу.

— Ты помнишь, как тебя отправили посылкой первого февраля две тысячи двадцать первого года. И это чистая правда, — тихо произнес Фушэнь. — На следующий день, второго февраля, грянул апокалипсис. Всего за двадцать минут Гуанчжоу и вся суша лишились жизни. Все живое просто испарилось. Коробки вместе с тобой смыло в Океанический фронт. Из-за удара ты впал в забытие и очнулся лишь тогда, когда услышал мой зов.

Он сделал паузу, давая малышу осознать масштаб катастрофы.

— Такова твоя версия событий. Но моя память хранит совсем другое. Сейчас на календаре не две тысячи двадцать первый год. Сейчас — две тысячи сорок первый. Прежний Гуанчжоу исчез ровно двадцать лет назад. С того страшного дня, когда рухнул старый мир, прошло ровно двадцать лет и семнадцать дней. Тебе не три года, малыш. Тебе уже исполнилось двадцать три.

Он пристально посмотрел в круглые глаза дракончика:

— И я рад приветствовать тебя в нашем новом доме. Добро пожаловать на Новую Землю.

Конец первой части: «Во сне я позабыл, что здесь лишь гость...»

<http://bllate.org/book/19977/2029503>